

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ГУЩИНА
ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА ПРИМЕРЕ
ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Специальность **09.00.13** –
Философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Санкт-Петербург
2013

Работа выполнена на кафедре философской антропологии Философского факультета ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный руководитель: Марков Борис Васильевич
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Официальные оппоненты: Кравцова Марина Евгеньевна
доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

Рассадина Софья Александровна
доктор философских наук, доцент
Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Защита состоится « ____ » _____ 2013 года в _____ часов на заседании Совета Д 212.232.68 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская линия, д. 5, философский факультет, ауд. ____.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан « ____ » _____ 2013 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
кандидат философских наук

Т.И. Лузина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Тема повседневности уже достаточно долгое время не перестает интересовать ученых различных сфер гуманитарного знания. Но если трудов по истории европейской, «западной» повседневной жизни имеется уже довольно большое количество, равно как и теоретических исследований феномена повседневности, то проблема философского осмысления повседневного мира неевропейских культур остается если не мало, то явно недостаточно подробно изученной.

В настоящее время крайне важно внимательно относиться к вопросам исследования культур других цивилизаций ввиду более плотного взаимодействия между странами и народами всего мира. «Ни одну страну, ни один народ невозможно охватить рациональной, т. е. учитывающей только понятия и идеи, концепцией. Любое человеческое поселение, этнос издавна отличались от других не столько понятиями, сколько образом жизни и обычаями, а также внешним видом, одеждой, речью, напевами и мифами, структурой питания. И как бы ни стирались эти различия в эпохи высоких культур, мировых империй и глобализации, они остаются, и не только в исторической памяти, но и в повседневном сознании»¹. В этом смысле повседневность современного Китая репрезентативно характеризует огромный пласт китайской культуры XXI века.

Важно понимать, что множество исторических событий, произошедших во всем мире в прошлом столетии, также радикально изменили картину быденной жизни Китая и она продолжает трансформироваться по сей день. Мы не можем больше опираться лишь на данные о традиционном укладе жизни, потому рассмотрение феномена современной китайской повседневности с точки зрения философской антропологии дает нам шанс не просто рассказать о

¹ Марков, Б.В. Знаки и люди: антропология межличностной коммуникации. – СПб.: Наука, 2011. С. 109.

привычках и быте городских жителей КНР, но гораздо глубже заглянуть в самую сферу обыденных жизненных практик, взаимоотношений человека и города и описать место человека в нем. К тому же, мы можем определить, насколько велико значение национальной культурной составляющей в повседневном.

Принимая во внимание междисциплинарность данного исследования, стоит добавить, что подобное изучение повседневной культуры Китая и неевропейских обществ вообще поможет дать новый импульс к развитию не только теории повседневности, но и философской антропологии, и существенно расширить сферу её применения. Отметим возможность включения методов философской антропологии в синологические исследования. Сегодня требуется более глубокая аналитика повседневных практик современного китайского города, нацеленных на понимание механизмов обыденной жизни КНР. Эта работа – своего рода попытка расширения границ понимания китайской культуры, возможность посмотреть на нее с позиции не только классической синологии, но и философской антропологии.

Степень разработанности темы

Прежде всего, стоит заметить, что сам интерес к проблеме повседневности в гуманитарных науках возник достаточно поздно – в XX веке. В философии теоретические концепции повседневности представлены различными направлениями. Впрочем, среди истоков проблематизации повседневного мира можно выделить Э. Гуссерля с концепцией жизненного мира, встречающейся в его поздних работах «Картезианские размышления» (1931 г.) и «Кризис наук как выражение радикального жизненного кризиса европейского человечества» (1936 г.).

Главное развитие концепции собственно повседневного мира произошло благодаря работам феноменологического направления. А. Шюц в книге «Смысловая структура повседневного мира» (1932 г.) довольно подробно

изложил своё видение данной проблемы. Вслед за этим стоит назвать работу его учеников Т. Лукмана и П. Л. Бергера «Социальное конструирование реальности». Интерес вызывает также статья Б. Вальденфельса «Повседневность как плавильный тигль рациональности».

Этнометодологическое направление изучение повседневности представлено работой Г. Гарфинкеля «Исследования по этнометодологии», использовавшего антропологические и этнографические методы для исследования обыденной жизни.

Труды Н. Элиаса являются ценным источником не только вполне конкретного исторического материала повседневного характера и его анализа, но и теоретического осмысления самого феномена повседневности. Большой вклад в изучение повседневности внесла деятельность школы «Анналов», основанная Л. Февром и М. Блоком. Особенный интерес представляет первый том работы Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.», названный «Структуры повседневности: возможное и невозможное». Среди отечественных историков, осветивших те или иные вопросы повседневности, выделяются Г.С. Кнабе, А.Я. Гуревич, С.В. Оболенская.

Среди российских работ по проблеме повседневности и различным её аспектам есть работы ученых Ю.М. Лотмана, Б.В. Маркова, В.Д. Лелеко, Е.Н. Шапинской, С.Т. Махлиной, С.Н. Тесли.

Отдельно выделим некоторых мыслителей, описавших современное состояние общества: Ж. Бодрийяра, З. Баумана, М. Маклюэна, Г. Дебора, Г. Маркузе.

Что касается синологического аспекта исследования, то мы обращаемся к исследователям Китая, описывавшим его культуру и жизнь людей, начиная именами М. Поло и М. Риччи, а также обращаясь к отечественным

первопроходцам, в особенности к работам Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа); и заканчивая именитыми исследователями-синологами вроде М. Гранэ, В.М. Алексеева. Важной опорой стали труды ученых XX века: Р. ван Гулика, М. Лёве, М.Е. Кравцовой, В.В. Малявина, серия книг по этнографической истории Китая, новейшее энциклопедическое издание «Духовная культура Китая».

Сегодня зарубежные исследователи культуры Китая вносят значительный вклад в развитие знаний о современной КНР. Рассматриваются социальные взаимоотношения, гендерные проблемы, этнопсихологические вопросы, развитие и влияние СМИ и др. Есть и попытки сопоставления китайской и западной культуры.

Китаеязычные источники представлены в основном новостными сюжетами, статистическими данными и прочей информацией, иллюстрирующей современное состояние китайского общества.

Объектом исследования является современная повседневная жизнь в Китае.

Предмет исследования – специфические черты, тенденции и динамика развития современной повседневной городской культуры КНР.

Цели и задачи диссертационного исследования

Главной целью работы является исследование философско-антропологических аспектов повседневной культуры современного городского Китая. Для достижения данной цели необходимо решение следующих **задач**:

1. Изучить различные теоретические подходы к проблеме повседневности в исследовательской литературе.
2. Определить культурные и исторические предпосылки трансформаций повседневной жизни городского Китая.

3. На основании собранных полевых материалов определить специфические черты традиционной культуры в современном китайском обществе и выявить формы их реализации в повседневной жизни современного китайского города.

4. Описать структуры повседневности китайского города, а также определить проблемы и перспективы их изучения.

Методологическая и теоретическая основы работы

Написание данной работы требовало обобщения довольно объемного материала философских и социологических взглядов на проблему повседневности, которые стали теоретической основой исследования. В целях определения места и роли китайской цивилизации на картине мира были рассмотрены цивилизационные концепции О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона.

При описании трансформаций повседневной жизни традиционного китайского общества, а также развития знаний о нем использовались исторический и сравнительно-исторический методы, позволяющие не только восстановить хронологию изменений, но и обнаружить сходства, различия и причины изменений в состоянии повседневной культуры Китая.

Ввиду обширного собранного полевого материала, явившегося важнейшим компонентом для написания диссертации, необходимой опорой работы стали методы этнографии, культурной антропологии, по-прежнему применимые и в современных исследованиях высокоразвитых неевропейских обществ. Для этого были проанализированы антропологические подходы Ф. Боаса, Б. Малиновского, К. Гирца.

В данном исследовании рассматриваются ключевые проблемы повседневной жизни городского жителя: бытовые условия, внешний вид, привычки, поведение, социальные взаимоотношения и т.п.. Изложение обработанного полевого материала поделено на два параграфа: первый касается жизни и

взаимоотношений города и горожанина, второй описывает его жилище. Оба эти раздела начинаются с описания внешнего облика пространства и переходят в более глубокое рассмотрение тех трансформаций, которые происходят с человеком, живущим в нём.

Источники исследования

Источниками исследования является философская, культурологическая, этнографическая, социологическая, историческая литература по предмету исследования на русском и иностранных языках; эмпирическую базу составили полевые этнографические материалы, собранные автором в КНР в 2009-2010 гг. (Шанхай, Пекин и другие города).

Научная новизна исследования

Новизна данной работы определяется, прежде всего, тем, что автором предпринято первое русскоязычное комплексное исследование повседневной жизни китайского горожанина на основании методов синологии, культурной и философской антропологии.

В ходе исследования были достигнуты следующие **научные результаты**: при анализе современной повседневности КНР выявлены ее традиционные истоки, заложенные в социокультурной, семейно-бытовой жизни китайцев, показаны особенности современного состояния и основные тенденции развития городской культуры Китая в XXI веке. С учетом полученных результатов скорректирована программа развития современной философской антропологии.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Современный китайский мегаполис внешне сопоставим с аналогичными «западными» городами, во многом вследствие влияния Запада и глобальных тенденций градостроения вообще.

2. Несмотря на внешнее сходство, изучение китайского современного города и его обитателей должно опираться на собственный культурно-исторический фундамент, позволяющий объяснить имеющиеся радикальные отличия повседневной жизни китайского и «западного» горожанина.
3. Современный китайский город прочно связывает прошлое и будущее, так как в основе всегда лежит традиция (исторический центр), которую дополняют современные, высокотехнологичные и зрелищные элементы, что, в свою очередь, является эффективным инструментом культивирования определенного типа китайского горожанина.
4. Измененный характер повседневной коммуникации, в том числе вовлечение высокотехнологичных средств общения, имеет серьезные антропологические последствия для китайского общества. В этом состоит главное отличие между современной и традиционной повседневностью Китая.
5. Дом современного китайского горожанина коренным образом отличается от традиционного, что влечет за собой постепенные изменения поведения и социальной жизни людей. Тем не менее, мы не можем говорить о полной трансформации внутреннего, духовного наполнения домашнего пространства.
6. Преемственность и сохранность традиций в культуре современного Китая обеспечивает устойчивость национальных духовных ценностей и сохранение культурной идентичности, не приводя к глубинной вестернизации городского общества.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования

Исследование трансформации повседневной культуры современного китайского города позволяет уточнить картину модернизации неевропейских обществ. Фактические и теоретические сведения, авторские наблюдения и выводы, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы в научных

исследованиях по изучению современной городской культуры Китая и других стран Юго-Восточной Азии, в особенности при рассмотрении влияния западной культуры на повседневную жизнь КНР и других государств дальнего востока; в исследованиях культурологического характера, по философской компаративистике, проблемам межкультурной коммуникации. Проведенное исследование позволяет скорректировать проект философской антропологии и дополнить его методами топологической рефлексии культурных пространств современного города. Практическая значимость работы состоит в том, что положения и выводы диссертации могут быть использованы при составлении общих и специальных лекционных курсов по философским, культурологическим и смежным дисциплинам.

Апробация диссертации

Основные положения и выводы диссертации изложены в докладах автора на конференциях: Дни Петербургской Философии в ноябре 2010 г., XIV конференции «Путь востока» в апреле 2011 г., на 16-й конференции Международного союза антропологических и этнологических наук (The International Union of Anthropological and Ethnological Sciences Conference) в г. Куньминь (КНР) 27-31 июля 2009 г.; а также опубликованы в 5 статьях, 3 из которых в журналах ВАК.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, содержащих шесть параграфов, заключения, списка литературы и приложений (фотографии и другие изображения, иллюстрирующие приведенные в исследовании примеры). Библиография насчитывает 182 наименования, из них 76 на иностранных (английском, французском, китайском) языках. Общий объем работы составляет 163 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении определяется актуальность темы, рассматривается степень разработанности проблемы, формулируются цель и задачи, научная новизна, положения, выносимые на защиту, теоретическая и научно-практическая значимость диссертационной работы, отмечаются результаты апробации исследования.

Первая глава посвящена рассмотрению философско-антропологических оснований теоретического изучения феномена повседневности, а также повседневной жизни в рамках современного городского пространства.

Интерес к повседневности как самостоятельному предмету философского исследования возник в первой половине XX века. В **параграфе 1** обзревается философские концепции повседневности, начиная с упоминания концепции жизненного мира (нем. *Lebenswelt*), которая стала ключевой в т.н. «поздней» философии Э. Гуссерля. Это понятие появляется в «Картезианских размышлениях» и «Кризисе наук как выражение радикального жизненного кризиса европейского человечества». Ученик Гуссерля Альфред Шюц не только развил его понятие жизненного мира, но и, сделав жизненный мир одним из главных предметов своих философских поисков, создал действительно мощный феноменологический базис для исследования повседневности (см. его труд «Смысловая структура повседневного мира»). Ученики Альфреда Шюца Томас Лукман и Питер Людвиг Бергер развили теорию повседневности в их совместной работе «Социальное конструирование реальности». Далее рассматриваются идеи Г. Гарфинкеля в труде «Исследования по этнометодологии», где автор использовал антропологические и этнографические методы в сфере социальных дисциплин, а также статья «Повседневность как плавильный тигль рациональности» немецкого философа-феноменолога Б. Вальденфельса. Обобщая теоретическое осмысление проблемы повседневности вышеназванными мыслителями, можно заключить, что повседневное сознание представляет плоскость, где как бы

выравниваются, типизируются разные частные перспективы. В обыденном сознании соединяются, таким образом, природный, социальный и субъективный миры, возникает общее пространство восприятия их различных смысловых интерпретаций.

Отдельного внимания удостоен вклад в развитие концептуального аппарата повседневности Н. Элиас, которому принадлежат работы по теоретическому анализу проблемы повседневности («О понятии повседневности» (1978)), а также фундаментальные труды по истории повседневной культуры в Европе («О процессе цивилизации» (1939) и «Придворное общество» (1969)). Безусловно, без упоминания новой исторической науки (в особенности школы «Анналов» и Ф. Броделя), сфокусированной на повседневности как принципиально новом объекте рассмотрения, повествование было бы неполным. Завершается параграф обзором статьи «В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии»² польского социолога П. Штомпки, отмечающего в ней возможность расширения методов социологии посредством использования объектов повседневного мира (в частности, он говорит о визуальной социологии).

Несмотря на то, что дать единое определение понятию повседневности практически невозможно, тем не менее, можно заключить, что повседневность присуща каждому человеку и является своеобразной сферой деятельности и коммуникации всех людей. И как они создают повседневность, так и она культивирует человека, задает направление его деятельности или общения. Анализируя повседневную жизнь того или иного общества, ее структуры, можно понять поведение людей этого общества.

Во втором параграфе рассматривается состояние повседневности современного западного общества (в дальнейшем ходе работы выявленные

² Штомпка, П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии. // Социологические исследования. – 2009. – №8. С.3-13.

особенности повседневной жизни западного мира будут сопоставлены с особенностями повседневности китайского города), в связи с чем приведен анализ работ З.Баумана, Ж. Бодрийяра, У. Бека, Б.В. Маркова и других авторов.

Безусловно, современный мир урбанистичен: доля городского населения по всей планете неумолимо увеличивается. Одним из важнейших антропологических последствий урбанизации является стирание ярко выраженного коллективного начала в городе, иными словами, разделение людей. Кроме того, современная городская жизнь построена на принципах индивидуального потребления (и это второй рассматриваемый нами аспект современного общества). Сама потребительская установка сознания превращает человека в заботящегося лишь о собственном существовании индивида. «Культ» потребления значительно отразился на повседневной жизни людей, дал импульс развитию новым формам коммуникации и идентификации. Еще одна важная черта современного мира – его глобальность, причем глобальная коммуникация решительно влияет на повседневную жизнь людей во всем мире. Следствия глобализации мира различны. Глобализация, с одной стороны, оптимизирует и удешевляет производство, что, конечно, влечет за собой развитие региональной экономики, повышение уровня жизни людей в разных странах. С другой стороны, мы сталкиваемся уравниванием образа жизни людей, с утратой традиционных ценностей, которые зачастую сотни и тысячи лет были опорой жизни общества. Глобализация вытесняет местное, а человек рискует потерять корни, родину, дом. Проблема сохранения идентичности в глобальном мире стоит чрезвычайно остро.

Один из главных вопросов, на который предстоит дать ответ в данной диссертации – стал ли Китай внешне и внутренне похожим на описанное выше западное общество, как сильно межкультурное влияние затронуло его повседневную жизнь.

Вторая глава посвящена методологическим проблемам изучения региональных культур. Для данного исследования необходимо также рассмотреть различные подходы к изучению неевропейских культур. Конечно, с одной стороны, различия между культурой, в том числе повседневной, стран Европы и Азии, и конкретно Китая настолько очевидно, что не подлежит сомнению и, возможно, излишнему обсуждению. С другой стороны, стоит вопрос не о констатации этого различия, а о том, на каких основаниях возможно изучение культуры Другого, какие пути были предложены для этого, и выделить те методы, которые применимы в данном исследовании.

В **первом параграфе** рассматриваются два основных подхода к изучению региональной культуры. Первый, цивилизационный, представлен идеями таких мыслителей как О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон. Иными словами, выделяя китайскую цивилизацию как самостоятельную единицу, силу, можно рассматривать те или иные культурные заимствования в рамках «столкновения» цивилизаций.

В то же время, наряду с цивилизационным подходом, можно рассматривать региональные общества как отдельные культуры. А методы, предложенные антропологами, не теряют своей актуальности и весьма успешно применяются на практике, в том числе при подготовке данной работы. Другими словами, представляется вполне возможной адаптация методов «классической» культурной антропологии в условиях изучения современного высокоразвитого неевропейского общества. В первую очередь, речь идет об описательном методе, методе включенного наблюдения, а также интерпретативном подходе (К. Гирц). Так, в данном исследовании интерпретация современных реалий китайской повседневности дается, в основном, на основании анализа их трансформаций и сопоставления с хорошо изученными традиционными явлениями. Однако, как и в других подобных исследованиях, связанных с опытом полевой работы, приходится сталкиваться с практически неразрешимым противоречием: для адекватного восприятия чужой культуры

необходимо погружение в нее, и в то же время нужна определенная дистанция, чтобы эту культуру интерпретировать.

Во **втором параграфе** поясняются некоторые особенности и проблемы изучения китайской культуры, значимые для любого исследования, связанного с Китаем. Во-первых, Китай сам по себе был довольно закрытой страной, потому его слабые контакты с западными странами и Россией долгое время не позволяли собрать достаточно эмпирического материала, чтобы составить наиболее подробное описание жизни страны. Изучение Китая вышло на академический уровень в XIX в., а уже в XX веке в Китае произошли масштабные перемены, кардинально изменившие образ жизни людей. А после культурной революции и вплоть до 80-х гг. прошлого столетия КНР была недоступна для иностранцев, потому развитие синологии, в особенности изучение нового Китая было весьма затруднительно. Сегодня появляется все больше работ о жизни современной КНР, но, во-первых, в основном, это иностранные труды, и, во-вторых, чаще всего описательного характера. Безусловно, на современном этапе требуется более глубокая философско-антропологическая аналитика повседневных практик современного китайского города. Поэтому комплексный подход к изучению повседневности современного китайского города может дать ответы на многие вопросы не только синологии, но и культурологии, и философской антропологии.

Кроме того, важен также и вопрос оценки и интерпретации полевых материалов, где важно не впасть в две крайности: с одной стороны, есть опасность невольного занижения значимости культур, далеких от западной (это явление Э. Саид назвал ориентализмом). С другой стороны, существует риск идеализирования изучаемой культуры. Поэтому устойчивый баланс между научным интересом и естественными эмоциями, между личным и профессиональным отношением к предмету изучения – вот та основа, на которую может опираться подобное исследование.

В **третьей главе** изложены основные наблюдения, результаты и выводы о повседневной жизни КНР начала XXI века.

Первый параграф посвящен повседневности современного города КНР. Однако для составления наиболее полного представления о тех трансформациях городского уклада, что имели место последние столетие, называются и основные черты традиционного китайского города. В Китае город исходно складывался в качестве не столько торгово-ремесленного центра, а воплощением государственной власти. Ее сакральность подчеркивалась, в том числе, и присущей городу космологической семантикой (расположением, геометрией улиц, площадей, стен, ворот и т.д.). Социокультурные характеристики городов (прежде всего, столицы и региональных административных центров), которые являлись местом сосредоточения административно-бюрократических структур (городом управляли чиновники) и олицетворяли собой тоталитаризм государства, обуславливали восприятие именно сельской местности как символа свободы. Ведь в деревне продолжала существовать система самоуправления (восходящая к древнему патронимическому укладу и затем поддержанная имперскими властями): низшие административные единицы (объединения из нескольких дворов и селений) управлялись выборными лицами, если даже они избирались из числа деревенской знати³. Можно сказать, что китайский город никогда не был самостоятельной, свободной политической или социальной единицей, а скорее средой обитания пестрых человеческих масс⁴, организованной посредством жесткой государственной власти.

В городе происходил сплав разнообразных компонентов китайской повседневности, из которых получилось то, что мы сейчас и называем традиционной китайской культурой. «С одной стороны, город отнюдь не воспринимался как явление случайное или стихийное, но был призван символизировать вселенский – земной и космический – порядок, вечный и

³ Balazs, Et. Chinese Civilization and Bureaucracy. Variations on a Theme. N.Y.–L., 1964. P. 70.

⁴ Малявин В.В. Китайская цивилизация. – М.: Астрель, 2000. С. 53.

незыблемый. С другой стороны, он выступал динамической силой истории, «оплотом прогресса» и провозвестником нового»⁵.

Многочисленные политические, исторические и культурные катаклизмы XX века значительно изменили картину жизни Китая. Крах Империи, война, Культурная революция 1966-1976 гг., экономический, политический, социальный кризис, стремление догнать в развитии другие страны – все это привело к невозможности сохранения традиционного уклада жизни. К концу XX века быстрый экономический рост вызвал качественные изменения жизни общества. Высокие темпы урбанизации привели к небывалому масштабу развития, разрастания городов и, как следствие, к значительным изменениям городской среды.

Прежде всего, очевидно изменение внешнего облика китайского города, и речь идет не только о расширении городских поселений, но и об архитектурных новшествах, пришедших на смену устаревшим решениям. Маленькие ветхие домики беспощадно сносятся и на их месте вырастают знакомые нашему взгляду многоэтажные корпуса. Уплотнительная застройка – это, конечно, экономически выгодное решение. Но наряду с ростом «спальных» районов появляются и совершенно новые, уникальные объекты. В качестве примера можно привести построенный с нуля за последние два десятилетия новый коммерческий центр Шанхая Пудун с «инопланетной» телебашней и необычными своими формами небоскребами, число которых постоянно увеличивается. Футуристическая архитектура, необычная городская скульптура, потрясающие умы здания музеев и другие необычные объекты притягивают в этот район не только бизнесменов и банкиров, но и деятелей науки, искусства и культуры.

Новая городская застройка зрелищна и во многом фантастична. Хотя, конечно, китайская история знает примеры масштабного строительства, такие

⁵ Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII-XIII вв.). – М.: Наука, 1984. С. 87.

как Запретный город в Пекине (*Гугун*). Ведь грандиозность постройки, в соответствии с традиционными китайскими представлениями, может быть связана с определенным сакральным могуществом «хозяина». А сегодня это еще и признак экономического успеха, результатом которого служит преобразование символического капитала ультрасовременной архитектуры в экономический, политический и культурный капитал современного китайского мегаполиса. К тому же, в китайских мегаполисах появляется немалое число зданий, спроектированных лучшими архитекторами мира. Это связано, в первую очередь, с намерением показать новый, открытый и модернизированный Китай, который может предложить своему населению и иностранным гостям уникальные пространства не только прошлого, но и будущего. Нужно отметить, с этой задачей Китай прекрасно справляется.

Современный китайский город действительно становится похож на западный мегаполис. И вслед за внешними трансформациями городского облика изменяется и образ жизни людей, их привычки и вкусы. Новой формой досуга становится шопинг (а китайская «рыночная почва», безусловно, чрезвычайно благодатна для её развития), времяпрепровождение в торговых центрах стало модным. К тому же, современная повседневная культура китайского города требует, в том числе, изменений гигиенических норм и вопросов этикета (в качестве примера можно привести запрет на плевание в общественных местах). Кроме того, трансформируется и физический облик китайского горожанина: это касается и моды, и модификаций тела, и даже все более увеличивающегося числа страдающих ожирением.

Серьезное влияние на повседневную жизнь оказывает и развитие средств массовой коммуникации. В частности, благодаря рекламе, существенно расширяются пищевые предпочтения китайцев (например, не употреблявшие молоко и молочные продукты ханьцы теперь с каждым годом потребляют их все больше). Однако контроль СМИ в Китае осуществляется довольно жестко,

государство, как и сотни лет назад, продолжает следить за «культивированием» своих граждан, опасаясь посторонних негативных влияний.

Жизнь человека в большом городе трудна, и не каждый может выдержать ее ритма. Бодрийяр характеризовал современный мегаполис как своего рода стерильный анклав, в котором искусственно созданный иммунитет порождает аутоиммунную реакцию – ненависть. Не только в западных странах, но и в КНР эта реакция начала приобретать вполне четкие преступные формы. Так, массовые убийства детей в 2010-2012 гг. породили настоящую панику и страх, хотя противовесом и регламентирующим инструментом выступила жесткость государственной власти и ее машины правосудия и порядка.

В качестве объединяющего, консолидирующего горожан механизма часто выступают зрелищные мероприятия. Сюда можно отнести как отмечание календарных праздников, так и фестивали. Традиционные китайские праздники, например, изначально представляли собой прекрасный образец проявления китайцами как семейного, так и коллективного духа. Такая несколько искусственная интеграция людей, тем не менее, весьма эффективный дисциплинарный метод. Зрелища вовлекают людей «в открытую общественную жизнь, отвлекают от протеста и способствуют «цивилизованному» образ жизни»⁶. В качестве примера в диссертации приведено подробное описание и анализ крупного зрелищного события – международной выставки Экспо-2010.

Получается, что город будущего по-китайски – это всегда комплексное решение, где в основе всегда лежит традиция, которую дополняют современные, высокотехнологичные и зрелищные элементы. Такой город способен преодолеть временной разрыв между прошлым и будущим. Ритм и стиль жизни горожан, задаваемый средой обитания, также меняется. Таким образом, можно говорить по большей части о внешних проявлениях влияния вестернизации, нежели о глубинной трансформации китайской культуры.

⁶ Марков Б.В. Реквием сексуальному. // Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. – М.: Владимир Даль, 2000. С.13

Во **втором параграфе** рассматривается китайский дом как особое, приватное пространство повседневности человека.

Как и во многих других культурах, в Китае устройство традиционного жилища было связано с определенными принципами миропорядка. Главным принципом традиционной китайской архитектуры было стремление к сохранению гармонии с природой. Каждый элемент строения, его интерьер имели не только функциональное, но и сакральное объяснение.

Кардинальные перемены в жизни Китая в XX веке повлекли за собой и трансформацию домашнего пространства. Во-первых, очевидно упрощение жилища – это всё чаще стандартные квартиры в многоэтажных домах. В современном доме, ввиду ограниченной площади, главенствует функциональность. Впрочем, и сейчас в квартирах китайцев находится место для сакрального: многие семьи имеют дома алтарь, который традиционно был организационным центром китайского дома и находился в центральной, главной комнате дома. Сейчас он занимает, как правило, тоже видное место, а само наличие его и прочих предметов религиозного культа, в том числе относящихся к т.н. популярным верованиям, безусловно, свидетельствует о глубочайшем укоренении подобного рода религиозных убеждений, способных сохраняться почти в неизменном виде даже спустя годы запрета. Таким образом, очевидно, что многие китайцы по-прежнему как бы разделяют свой дом не только с членами своей семьи, но и с теми божествами, которые, согласно их представлениям, населяют жилище и могут покровительствовать или наказывать обитателей.

Что же касается самого обитателя дома, то оторванный от земли, вышедший из родовой усадьбы, перед нами теперь независимый индивид. Сейчас все больше горожан не знакомятся со своими соседями, что еще полвека назад было просто немыслимо. Однако это не значит, что современный городской житель в Китае не испытывает потребности в общении, в контакте с Другим. Частично эту функцию прямо внутри жилища выполняют СМИ,

например, телевидение, роль которого в Китае сложно переоценить. Ведь даже сам телевизионный аппарат уже стал самым собой разумеющимся символом «включенности» индивида в жизнь других людей, страны. Эмоции, вызываемые у зрителей, и удовольствие от просмотра создают ощущение причастности, солидарности, своего рода искусственную интеграцию людей.

Тем не менее, важно помнить и другое. Для китайца понятие дома – это не только стены и крыша. Прежде всего, это семья, связь с родом, предками. Семейственность, преданность роду составляют в принципе одну из основных констант китайского национального характера. Так и родные места – это тоже дом, его продолжение. Удивительным примером сохранения традиции является стремление любой ценой «возвращаться домой», чтобы, например, провести китайский Новый год по лунному календарю (回家过年 *хуэйцзя гонянь*). В это время невозможно купить билеты на транспорт, а вагоны поездов до предела набиты путешествующими, готовыми ради встречи с семьей даже спать на корточках в тамбуре. Да и сама страна для китайца – это тоже дом, неслучайно они говорят: «国家» (*гоцзя*). «Древнее значение слова *го* (государство) – сначала «место обитания Я», а затем «ленная территория», которая имеет правителя и очерчена границами, из чего уже и вылупилось «государство» как институционализируемая община. В той же древности к иероглифу *го* (государство) могло прибавляться слово *цзя* (род, семья), и вместе они означали территорию обитания рода. Таким образом, «род», «семья», «государство» – понятия одного порядка, единой ценностной ориентации»⁷. Добавим, что под *гоцзя* подразумевалась и «государственная семья»: правитель (*ван*) и все князья (*чжухоу*), считавшиеся родственниками⁸.

Безусловно, налицо радикальная перемена формы жилища и общежития, а также связанное с данной трансформацией возникновение нового образа жизни китайского городского жителя. Традиционная усадьба была своего рода

⁷ Боревская, Н.Е., Торопцев, С.А. Китайская культура во времени и пространстве. – М.: Форум, 2010. С. 337.

⁸ Мы видим пример того, как перекликаются между собой общественно-политическое и приватное начало в традиционной китайской культуре.

«ячейкой», где индивид был в определенной степени свободен и независим от внешнего. Но и сейчас дом – такое же приватное пространство, разве что изменилось качество социальных связей домочадцев и соседей. Индивидуализация городского общества, ставшая нормой на западе, настигает и КНР. Хотя, как и в рассмотренной выше картине городской жизни современного Китая, так и в данном разделе, можно сказать, что внешняя перемена жилища китайского горожанина не обязательно влечет за собой потерю внутреннего, духовного содержания дома. Сохранение традиций, особенно семейных, и бережное отношение к ним по-прежнему не дает западному влиянию глубоко проникать в китайскую культуру.

В заключении подводятся итоги работы, формулируются главные выводы, намечаются перспективы дальнейшего развития основных идей диссертационного исследования.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук.

1. Гущина, Е.А. Зрелищность в современной культуре китайского города. // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – №4(12). – 0,5 п.л.
2. Гущина, Е.А. Изменение хронотопа китайского жилища. // Вестник СПбГУ. – 2009. – Серия 6, вып. 4. – С.254-260. – 0,6 п.л.
3. Гущина, Е.А. Формирование нового городского пространства в современном Китае. // Этносоциум и межнациональная культура. – 2012. – №3 (45). – С. 167-171. – 0,3 п.л.

Другие научные публикации.

4. Гущина, Е.А. Современный китайский город как культурный феномен. // Путь Востока. Общество. Религия. Политика. Материалы XIV молодежной конференции по проблемам философии, религии и культуры Востока – СПб: Издательство Санкт-Петербургского философского общества. – 2012. С. 58-63. – 0,3 п.л.
5. Gushchina, E. Chinese Home Today: Traditions and Western Influence // The 16th World congress of the International Union of Anthropological and Ethnological Sciences. Paper abstracts. Kunming, China, 2009, Vol. 6, P.36. – 0,1 п.л.